

Докшочов Аслан Зурабович

адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России

ОБЪЕКТ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация:

Основным непосредственным объектом при совершении присвоения и растраты является собственность конкретного ее владельца, пользователя и (или) распорядителя. В этой конкретности проходит различие между видовым объектом присвоения и растраты (тоже собственностью, но собственностью в абстрактном виде) и основным непосредственным объектом этого вида преступного посягательства против собственности.

Ключевые слова:

Присвоение, растрата, имущественное преступление, чужое имущество, право собственности.

Dokshokov Aslan Zurabovich

Adjunct, Department of Criminal Law,
Krasnodar University of Russian Interior Ministry

OBJECT MISAPPROPRIATION OF ANOTHER'S PROPERTY

The summary:

The main direct object when making misappropriation is a specific property of the owner, user, and (or) manager. This specificity is the difference between the kinds of objects misappropriation (same property, but the property in the abstract) and the main direct target of this type of criminal assault against ownership.

Keywords:

Misappropriation, embezzlement, property crime, other people's property, the right to property.

В уголовно-правовой литературе справедливо отмечается, что «вред, ущерб охраняемому уголовным законом объекту может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется свойствами самого объекта» [1]. С учетом этого в ст. 2 УК РФ предусматривается примерный перечень общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране в первую очередь, причем последовательность объектов охраны осуществлена по степени значимости, при этом в системе социальных ценностей законодатель признал приоритетное значение прав человека и гражданина по сравнению с общественными отношениями, охраняющими институт собственности либо интересы государства. Эти общие объекты уголовно-правовой защиты еще в недавнем прошлом (период действия последнего УК РСФСР 1960 г. – до 1 января 1997 г.) имели трехступенчатую классификацию объектов преступления (общий, родовой и непосредственный), что соответствовало структуре действовавшего тогда Уголовного закона, Особенная часть которого делилась только на главы. Структура УК 1996 г. с делением Особенной части не только на главы, но и на разделы предполагает четырехступенчатую классификацию объектов, не получившую в свое время общего признания в теории уголовного права [2]. На наш взгляд, четырехступенчатая классификация объектов преступления более точно отражает сущности этого понятия в действующем уголовном законодательстве. При этом структура объектов преступного посягательства разделяется на следующие: 1) общий объект; 2) родовой объект; 3) видовой объект; 4) непосредственный объект. Общим объектом преступлений, как известно, является совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Под родовым объектом понимается группа однородных, взаимосвязанных общественных отношений, которым свойственны общие или тождественные признаки и которые в силу этого охраняются единым комплексом уголовно-правовых норм. Критерием выделения глав в разделе является видовой объект преступления, который выделяется внутри родового объекта и соотносится с родовым как вид с родом. Наконец, непосредственный объект – это конкретное общественное отношение, на которое посягает преступление и которое в силу этого специально ставится под охрану закона.

При этом непосредственный объект по содержанию совпадает с видовым объектом, отличаясь от него как часть целого по объему. Именно такой подход преобладает в современной правовой литературе [3]. Таким образом, объект преступления определяет характер уголовно-правового запрета, пределы и круг запрещаемых законом деяний, характер и степень их опасности – в нашем случае это касается деяний, посягающих на собственность путем присвоения и растраты. Следует заметить, что вопросы объекта преступления, в частности, изложены в трудах видных ученых-юристов В.Н. Кудрявцева, А.Н. Трайнина, А.А. Пионтковского, Г.А. Кригера, А.Н. Коржанского, Н.А. Беляева, Я.М. Брайнина, Н.Д. Дурманова, А.А. Герцензона, Н.Н. Загородникова. Теме «Объект уголовно-правовой охраны и его участие в организации борьбы с посягательствами на собственность» посвящена докторская диссертация Е.А. Фролова [4]. Достаточно глубоко исследован и обоснован тезис о том, что объектом уголовно-правовой охраны

являются общественные отношения. Однако, отмечает он, каждое «общественное отношение» – сложное и многогранное понятие, поэтому нельзя не согласиться с А.Н. Трайниным (к его мнению присоединяемся и мы), который считает, что признание общественных отношений объектом преступления является только началом изучения этого вопроса [5]. Сравнительно недавно издана монография Г.П. Новоселова «Учение об объекте преступления» [6]. Эти и другие работы позволяют не углубляться в вопрос об общем объекте преступного посягательства, каковым являются общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Хищения чужой собственности, а в их числе присвоение и растрата, относятся к группе преступлений, посягающих на совокупность общественных отношений собственности, неприкосновенность которых также охраняется уголовным законом. Таким образом, присвоение и растрата, будучи включенными в гл. 21 УК РФ («Преступления против собственности»), по своей сути причиняют вред общественным отношениям собственности.

Это совершенно очевидно. Вместе с тем данное общественно опасное деяние имеет свои особенности объекта и предмета преступления, в связи с чем представляется необходимым более детально рассмотреть некоторые вопросы этого элемента юридического состава присвоения и растраты, включая теоретические аспекты. При этом общим объектом преступлений, включая рассматриваемое деяние, является совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Такая позиция была длительное время общепринятой в теории уголовного права. В последние годы она уточняется, в частности, указывается, что «объектом преступления следует признать те блага, на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом» [7]. Под родовым объектом понимается группа однородных, взаимосвязанных общественных отношений, которым свойственны общие или тождественные признаки и которые в силу этого охраняются единым комплексом уголовно-правовых норм. Критерием выделения глав в разделе является видовой объект преступления, который выделяется внутри родового объекта и соотносится с родовым как вид с родом. Как мы указывали, в российском уголовном законе состав присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ) расположен в главе «Преступления против собственности». В этой связи в уголовно-правовой литературе встречается позиция, согласно которой видовой объект мошенничества следует разделять на два объекта: отношения собственности (на этот объект посягает преступное завладение чужим имуществом путем хищения) и иные вещные отношения (на него посягает приобретение права на чужое имущество) [8].

Однако, как нам представляется, такое разделение объекта преступного хищения на две части является искусственным, поскольку обе части относятся к отношениям собственности. Наконец, непосредственный объект – это конкретное общественное отношение, на которое посягает преступление и которое в силу этого специально ставится под охрану закона [9]. При этом непосредственный объект по содержанию совпадает с видовым объектом, отличаясь от него как часть целого по объему. Такая классификация в последнее время подвергается сомнению, например, некоторые авторы полагают под объектом преступления понимать только людей [10], однако принципиальных новых подходов к решению проблемы объекта преступления не предлагается (например, предложение считать в качестве объекта преступления только человека, а не общественные отношения, несмотря на кажущуюся новизну, таковой, на наш взгляд, не содержит, поскольку совершенно очевидным является то обстоятельство, что любое правонарушение в конечном итоге приносит ущерб конкретным людям). Основываясь на изложенном, мы можем рассматривать родовый объект имущественного преступления в виде присвоения и растраты как установленный порядок функционирования экономики в целом. Видовой объект, как мы отмечали, является частью родового объекта. Как правило, последний образован несколькими видовыми объектами. Они служат классификации посягательств на однородные общественные отношения и имеют преимущественно научное значение.

Применительно к нашему исследованию в основу выделения глав положен видовой объект, который соотносится с родовым объектом как часть с целым или, иначе говоря, как вид с родом [11]. Совершенно очевидно, что здесь на первый план выходит категория «собственность». Собственность представляет собой принадлежность средств и продуктов производства определенным лицам (как физическим, так и юридическим). Право собственности как право конкретных субъектов на определенные объекты (имущество), отражая прежде всего имущественные отношения в обществе, сводится к трем правомочиям: право владения – предоставляемая законом возможность фактического обладания вещью и удержания ее в собственном владении; право пользования – основанная на законе возможность эксплуатации имущества или иных форм собственности, извлечения из него полезных свойств и/или получения от него плодов и доходов; право распоряжения – предоставленная собственнику возможность по своему усмотрению и в своих интересах совершать действия, определяющие юридическую судьбу

имущества [12]. Указанные правомочия тесно взаимосвязаны и лишь только в комплексе составляют юридическое содержание права собственности [13]. В собственности могут находиться предприятия, имущественные комплексы, земельные участки, горные отводы, здания, сооружения, оборудование, сырье и материалы, деньги, ценные бумаги и другое имущество производственного, потребительского, социального, культурного и иного назначения, а также продукты интеллектуального или творческого труда. Однако применительно к присвоению и растрате указанные формы собственности сужаются и сводятся в абсолютном своем большинстве к имуществу в виде денег.

В уголовно-правовой литературе спорным является вопрос о том, следует ли считать объектом преступлений против собственности право на имущество. Имеется точка зрения, согласно которой объектом имущественных преступлений, включая присвоение и растрату, следует считать имущественные права [14]. Автор этой точки зрения И.А. Клепицкий утверждает, что собственность (ни как элемент общественной экономической системы, ни как субъективное право собственности) не может и не должна пониматься в качестве объекта преступлений, называемых в современном российском праве преступлениями против собственности [15]. Однако мы не можем согласиться с такой позицией, поскольку имущественные права, как справедливо отмечается в литературе, должны рассматриваться не как объект преступления, а как предмет общественно опасного посягательства, и в ином случае собственность как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны может потерять свое значение [16]. Добавим еще к этому, что согласно ст. 8 Конституции Российской Федерации в нашей стране признаются и защищаются равным образом все формы собственности и, следовательно, именно собственность представляет собой самостоятельный объект государственной (в данном случае – уголовно-правовой) защиты, а не имущественные права, которые можно расценивать как разновидность предмета хищения.

Итак, видовым объектом присвоения и растраты, как и иных имущественных преступлений, является собственность. Это вытекает также из того обстоятельства, что В УК РФ состав присвоения и растраты (ст. 160) расположен в главе «Преступления против собственности». Зачастую, говоря о видовом объекте такого рода преступлений, ведут речь об отношениях собственности. На наш взгляд, содержательной разницы и уголовно-правового различия в терминах «собственность» и «отношения собственности» нет, поскольку собственность априори предполагает наличие отношений (общественных, правовых) по поводу собственности. Поэтому для обозначения видового объекта присвоения и растраты, на наш взгляд, одинаково приемлемы термины «собственность» и «отношения собственности». В уголовно-правовой литературе по поводу общего, родового и видового объекта присвоения и растраты принципиальных различий в подходе к определению их содержания нет, то в отношении непосредственного объекта положение неоднозначное, что объясняется тем, что присвоение и растрата нередко посягают не на один, а сразу на два непосредственных объекта. Поэтому для правильной квалификации совершенного деяния существенное значение имеет максимально точное установление непосредственного объекта, который в отличие от родового и видового объекта не определяется в зависимости от названия раздела или главы. Так, К., будучи товарным кассиром на станции Краснодар-сортировочная, одновременно с оформлением документов на груз оформляла страховку этих грузов в качестве агента страховой организации «Литер-полис». Приговором Октябрьского районного суда г. Краснодара [17] она была осуждена за то, что подделывала записи в страховом полисе, принижая в них суммы получаемых от клиентов денег, а разницу обращала в свою пользу – соответственно по ч. 2 ст. 327 УК РФ и п. п. «б», «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ (в редакции до 16 декабря 2003 г.). Тем самым она совершила посягательство сразу на два непосредственных объекта: собственность конкретных потерпевших, а также порядок управления в сфере страховых отношений.

В другом примере Б. и А., являясь соответственно резервным машинистом и помощником резервного машиниста, получив тепловоз для технического обслуживания и обнаружив в баке излишек топлива, решили его присвоить. Тем самым они совершили посягательство против собственности Краснодарского локомотивного депо [18]. И еще пример. Г., будучи киоскером, присваивала деньги, вырученные от продажи вверенного ей товара, и тем самым причинила ущерб ОСП «Черкесский почтамт» на общую сумму 17806 рублей [19].

Уточнение объектов, в свою очередь, связано с исследованием элементов общественных отношений. В литературе встречается мнение о том, что общественные отношения представляют собой деятельность его участников или определенное положение людей по отношению друг к другу, или то и другое одновременно [20]. В нашем случае общественные отношения выступают выразителями определенных социальных связей между субъектами экономических отношений по поводу собственности, которые складываются в процессе видоизменений право-

мочий собственников в результате совершения преступных посягательств в виде присвоения и растраты. В этом случае при рассмотрении социальной связи как элемента общественных отношений следует иметь в виду, что она характеризуется конкретной деятельностью и осуществляется внутри самого общественного отношения, являясь основным связующим звеном между субъектом и объектом отношений собственности. В контексте этого присвоение и растрата предполагают противоправную деятельность по изъятию чужого имущества, которое было вверено виновному в совершении рассматриваемого общественно опасного деяния.

Ранее мы отмечали, что присвоение (растрата) однозначно посягает на собственность («хищение чужого имущества»). Вместе с тем во многих случаях, как показывает правоприменительная практика, данное деяние посягает и на установленный порядок службы в коммерческих и иных организациях (ст. 202 УК РФ) и установленный порядок государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а точнее порядок осуществления должностными лицами своих служебных полномочий [21] (ст. ст. 285, 286 УК РФ) – в случаях, когда имущество вверяется виновному в государственных или коммерческих организациях. И здесь возникает вопрос о делении непосредственного объекта на основной и дополнительный. Такое деление было предложено сравнительно недавно [22]. Поскольку преступление причиняет вред или создает угрозу причинения вреда в сфере не одного, а нескольких объектов, то при квалификации деяния необходимо выделить то общественное отношение, которое в данном случае является главным, основным. Другие непосредственные объекты, в сфере которых данное преступление причиняет вред, будут дополнительными или факультативными (в этом параграфе мы не обсуждаем вопрос о факультативном непосредственном объекте, поскольку его наличие или отсутствие не влияет на квалификацию разбоя как преступления). Согласно одной из точек зрения, основным непосредственным объектом посягательства является такое общественное отношение, тот интерес, который законодатель, создавая норму, стремился поставить под охрану уголовного закона в данном случае [23]. На наш взгляд, такое определение основного непосредственного объекта неточно, так как оно не содержит в себе его основного признака. Главным в этом определении является указание на стремление законодателя поставить данное благо под охрану уголовного закона.

Это положение, по меньшей мере, спорно, так как и дополнительный объект также заслуживает ввиду своей важности уголовно-правовой охраны, более того, неправильна сама постановка вопроса о том, какой объект более важен с точки зрения уголовно-правовой защиты. Так, в конструкции состава присвоения (растраты) в равной мере охраняется уголовным законом как собственность, так и установленный порядок службы, хотя один из этих объектов является основным, а другой – дополнительным. Думается, что сущность основного непосредственного объекта заключается не в отмеченном выше положении. Наиболее важно в определении основного непосредственного объекта указать на то, что в посягательстве на основной объект заключается социальная сущность данного преступления. Если вести речь о присвоении (растрате) вверенного виновному имущества, то сущность его заключается в посягательстве на собственность. С учетом изложенного есть основания говорить о том, что основным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, тот социальный, материальный и иной интерес, повреждение которого составляет социальную сущность данного конкретного преступления и в целях охраны которого издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение. Кроме того, следует выделить и то обстоятельство, что характеристикой основного объекта является наиболее ценное с точки зрения общественных интересов социальное благо из всех повреждаемых данным преступлением [24]. Соответственно дополнительным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, социальный, материальный и иной интерес, посягательство на которые не составляет сущности данного преступления, но которое этим преступлением нарушается или ставится в опасность нарушения наряду с основным объектом.

Кроме того, характерная особенность дополнительного объекта состоит в том, что он во многих случаях является самостоятельным и всегда требует уголовно-правовой охраны [25]. Однако именно это обстоятельство вызывает определенные сложности в следственной и судебной практике при решении вопросов квалификации деяний, имеющих признаки и присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ) и одновременно, например, злоупотребления служебными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Указанные деяния составляют составы самостоятельных преступлений. Вместе с тем присвоение (растрата) может совершаться с использованием виновным своего служебного полномочия, что является особо квалифицирующим признаком данного деяния, и здесь как раз появляется дополнительный объект – в одних случаях он может быть факультативным, и тогда квалификация осуществляется по ч. 3 ст. 160 К РФ, в других – иметь самостоятельное значение, и тогда требуется квалификация по

ст. 285 УК РФ или другим статьям, предусматривающим должностные и иные преступления, сопрягаемые с присвоением и растратой. Так, Ч., будучи мастером ЖЭУ МУП «ГПЖКХ» и являясь материально-ответственным лицом, пользуясь служебным положением, присваивала себе деньги, которые брала от жильцов в счет оплаты коммунально-бытовых услуг [26]. В данном случае основным объектом является собственность, и он охватывает другой, факультативный объект. Иная ситуация в другом случае. Будучи главным специалистом сектора организации учета и отчетности предприятий АПК и бюджетных организаций Департамента сельского хозяйства и продовольствия Краснодарского края, Б., используя свое служебное положение, умышленно, из корыстных побуждений подготавливала для оплаты Департаментом платежные документы за якобы выполненные в интересах Краснодарского края без приложения необходимых в этих случаях первичных документов (договоров, актов выполненных работ и др.), в том числе вносила в реестр Департамента те фирмы, с которыми якобы имелись договора на выполнение работ [27], а в дальнейшем деньги обналичивались и присваивались. Суд признал Б. виновной как в присвоении вверенного имущества (п. п. «а» и «б» ч. 3 ст. 160 УК РФ), так и в служебном подлоге (ст. 292 УК РФ), т.е. , по версии суда, Б. покушалась сразу на два уголовно-охраняемых объекта.

В данном случае объекты имеют самостоятельное значение, хотя решение суда представляется спорным, и к нему мы еще обратимся в третьей главе настоящей работы. Как видно, указанное деление непосредственных объектов имеет немаловажное практическое значение для квалификации деяния. Значение это заключается в том, что квалификация деяния производится только по основному непосредственному объекту. Поэтому важно из всех объектов, которые этим преступлением нарушаются, выделить основной. С учетом изложенного мы не можем признать обоснованным отказ некоторых авторов от выделения из числа непосредственных объектов основных и дополнительных [28]. Выделение основного и дополнительных непосредственных объектов в совершенном деянии – это одна из важных практических задач квалификации преступлений. Если не проводить такого различия между несколькими непосредственными объектами, то в некоторых случаях невозможно добиться правильной квалификации деяния. В третьей главе настоящей работы эти вопросы применительно к преступному деянию против собственности в виде присвоения и растраты будут рассмотрены более подробно. Совершая двухобъектные преступления, к каким в определенных случаях относится и присвоение, и растрата, деятель посягает на основной непосредственный объект путем причинения вреда дополнительному непосредственному объекту. В этой связи в литературе справедливо отмечается, что сущность деяния определяется направленностью посягательства [29, с. 81]. Вопрос об основном и дополнительном непосредственном объекте присвоения (растраты) следует решать, исходя из направленности умысла виновного. Очевидно, что основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления следует считать общественные отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом. При этом если преступник похищает конкретную материальную вещь, то вред наносится общественным отношениям по владению, пользованию и распоряжению данной вещью на всех уровнях классификации объекта. Поэтому, на наш взгляд, нельзя согласиться с существующими в теории уголовного права взглядами, признающими имущество объектом преступления [30]. Признание непосредственным объектом отдельных вещей или имущества противоречит самому понятию объекта и вносит неверное представление о присвоении (растрате) как о посягательстве на отношения собственности. Дело в том, что при присвоении и растрате имущество не терпит ущерба (в отличие, например, от преступления в виде уничтожения или повреждения чужого имущества), в то время как объект, по устоявшемуся мнению, - это то, чему причинен вред. Как верно отмечается в литературе, в общественной жизни людей существуют отношения не между человеком и вещью, а между людьми по поводу вещей [29, с. 21]. Таким образом, мы можем констатировать, что основным непосредственным объектом при совершении присвоения и растраты является собственность конкретного ее владельца, пользователя и (или) распорядителя. В этой конкретности проходит различие между видовым объектом присвоения и растраты (тоже собственность, но собственность в абстрактном виде) и основным непосредственным объектом этого вида преступного посягательства против собственности.

Ссылки:

1. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 137.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М.: БЕК, 1996. С. 152; Фролов Е.А. Спорные вопросы учения об объекте преступления // Сб. научн. тр. Вып. 10. Свердловск,

References (transliterated):

1. Nikiforov B.S. Ob'yekt prestupleniya po sovetскому уголовному праву. М., 1960. S. 137.
2. Naumov A.V. Rossiyskoye ugovloynoye pravo. Obshchaya chast': Kurs lektsiy. М.: BEK, 1996. S. 152; Frolov Ye.A. Spornyye voprosy ucheniya ob ob'yekte prestupleniya // Sb. nauchn. tr. Vyp. 10. Sverdlovsk,

1968. С. 203-204.
3. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. д-р юрид. наук Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. С. 119; Уголовное право: Часть Общая. Часть особенная: Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999. С. 93; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М.: БЕК, 1999. С. 152 и др.
 4. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его участие в организации борьбы с посягательствами на собственность: Дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971.
 5. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 124.
 6. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М.: Норма, 2001.
 7. Курс российского уголовного права / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001. С. 169.
 8. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 317.
 9. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. д-р юрид. наук Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. С. 119; Уголовное право: Часть Общая. Часть особенная. Учебник / Под общ. ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999. С. 93; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1999. С. 152.
 10. См., например: Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. М., 1997 и др.
 11. Российское уголовное право. Особенная часть. М.: Юрист, 1997. С. 13.
 12. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2001. С. 345.
 13. Тархов В.А. Гражданские права и их осуществление // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 3. С. 57.
 14. Клепицкий И.А. Объект и система имущественных преступлений в связи с реформой законодательства России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 8.
 15. Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 78.
 16. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Антэя, 2000. С. 83.
 17. Архив Октябрьского районного суда г. Краснодар. Дело № 1-159/2003 г.
 18. Архив Октябрьского районного суда г. Краснодар. Дело № 1-362/2003 г.
 19. Архив Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики. Дело № 1-910/2007 г.
 20. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 64.
 21. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Х.Д. Алиперова и Э.Ф. Побегайло. М.: Норма, 2001. С. 702.
 22. Розенберг Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства) // Ученые записки. Харьков, 1978. С. 74.
 23. Фролов Е.А. Понятие непосредственного (основного), дополнительных и факультативных объектов уголовно-правовой охраны и их значение для классификации посягательств на социалистическую собственность // Материалы конференции. Свердловск, 1968. С. 94-97.
 24. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 73.
 25. Зимин М.Г. Юридический анализ норм, устанавливающих ответственность за
1968. С. 203-204.
 3. Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast': Uchebnik / Otv. red. d-r yurid. Nauk B.V. Zdravomyslov. M.: Yurist, 1996. S. 119; Ugolovnoye pravo: Chast' Obshchaya. Chast' osobennaya: Uchebnik / Pod obshch. red. L.D. Gaukhmana, L.M. Kolodkina, S.V. Maksimova. M.: Yurisprudentsiya, 1999. S. 93; Naumov A.V. Ros-siyskoye ugolovnoye pravo. Obshchaya chast': Kurs lektsiy. M.: BEK, 1999. S. 152 i dr.
 4. Frolov Ye.A. Ob"yekt ugolovno-pravovoy okhrany i yego uchastiye v organizatsii bor'by s posyagatel'stvami na sobstvennost': Dis. ... d-ra yurid. nauk. Sverdlovsk, 1971.
 5. Traynin A.N. Obshcheye ucheniye o sostave prestupleniya. M., 1957. S. 124.
 6. Novoselov G.P. Ucheniye ob ob"yekte prestupleniya. M.: Norma, 2001.
 7. Kurs rossiyskogo ugolovnogogo prava / Pod red. V.N. Kudryavtseva i A.V. Naumrva. M.: Spark, 2001. S. 169.
 8. Boytsov A.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002. S. 317.
 9. Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast': Uchebnik / Otv. red. d-r yurid. Nauk B.V. Zdravomyslov. M.: Yurist, 1996. S. 119; Ugolovnoye pravo: Chast' Obshchaya. Chast' osobennaya. Uchebnik / Pod obshch. red. prof. L.D. Gaukhmana, prof. L.M. Kolodkina i prof. S.V. Maksimova. M.: Yurisprudentsiya, 1999. S. 93; Naumov A.V. Rossiyskoye ugolovnoye pravo. Obshchaya chast'. M., 1999. S. 152.
 10. Sm., naprimer: Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast' / Pod red. I.YA Kozachenko, Z.A. Neznamova, G.P. Novoselova. M., 1997 i dr.
 11. Rossiyskoye ugolovnoye pravo. Osobennaya chast'. M.: Yurist', 1997. S. 13.
 12. Grazhdanskoye pravo / Pod red. A.P. Sergeyeva, YU.K. Tolstogo. M.: Prospekt, 2001. S. 345.
 13. Tarkhov V.A. Grazhdanskiye prava i ikh osushchestvleniye // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava. 1995. № 3. S. 57.
 14. Klepitskiy I.A. Ob"yekt i sistema imushchestvennykh prestupleniy v svyazi s reformoy zakonodatel'stva Rossii: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1995. S. 8.
 15. Klepitskiy I.A. Sobstvennost' i imushchestvo v ugolovnom prave // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 5. S. 78.
 16. Kochoi S.M. Otvetstvennost' za korystnyye prestupleniya protiv sobstvennosti. M.: Anteya, 2000. S. 83.
 17. Arkhiv Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Krasnodar. Delo № 1-159/2003 g.
 18. Arkhiv Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Krasnodar. Delo № 1-362/2003 g.
 19. Arkhiv Cherkesskogo gorodskogo suda Karachayevocherkesskoy Respubliki. Delo № 1-910/2007 g.
 20. Nikiforov B.S. Ob"yekt prestupleniya po sovet'skomu ugolovnomu pravu. S. 64.
 21. Prakticheskiy kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / Pod red. KH.D. Alikperova i E.F. Pobegaylo. M.: Norma, 2001. S. 702.
 22. Rozenberg D.N. O ponyatii imushchestvennykh prestupleniy v sovet'skom ugolovnom prave (ob"yekt i predmet posyagatel'stva) // Uchenyye zapiski. Khar'kov, 1978. S. 74.
 23. Frolov Ye.A. Ponyatiye neposredstvennogo (osnovnogo), dopolnitel'nykh i fakul'tativnykh ob"yektov ugolovno-pravovoy okhrany i ikh znacheniyeye dlya klassifikatsii posyagatel'stv na sotsialisticheskuyu sobstvennost' // Materialy konferentsii. Sverdlovsk, 1968. S. 94-97.
 24. Korzhanskiy N.I. Ob"yekt i predmet ugolovno-pravovoy okhrany. M., 1980. S. 73.
 25. Zimin M.G. Yuridicheskiy analiz norm, ustanavlivayushchikh otvetstvennost' za prestupleniya protiv

- преступления против собственности организаций // Российский следователь. 2007. № 4. С. 18.
26. Архив Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики. Дело № 1-272/2006 г.
 27. Архив Октябрьского районного суда г. Краснодар. Дело № 357/2004 г.
 28. См., например: Солодкин И.И., Филановский И.Г. Основные вопросы борьбы с хулиганством // Советское государство и право. 1986. № 3. С. 106; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. С. 299-300 и др.
 29. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.
 30. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. М., 1970. С. 316-317.
26. Arkhiv Cherkesskogo gorodskogo suda Karachayevo-Cherkesskoy Respubliki. Delo № 1-272/2006 g.
 27. Arkhiv Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Krasnodar. Delo № 357/2004 g.
 28. Sm., naprimer: Solodkin I.I., Filanovskiy I.G. Osnovnyye voprosy bor'by s khuliganstvom // Sovetskoye gosudarstvo i pra-vo. 1986. № 3. S. 106; Kurs sovetского ugolovnogogo prava. Chast' Obshchaya. L., 1968. T. 1. S. 299-300 i dr.
 29. Korzhanskiy N.I. Ob"yekt i predmet ugolovno-pravovoy okhrany. M., 1980.
 30. Kurs sovetского ugolovnogogo prava. Chast' Osoben-naya. T. 4. M., 1970. S. 316-317.